

ДЖАТАКА О ЦАПЛЕ

Со слов: «Хоть плут и искушен в искусстве плутовства...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал повествование о бхиккху, который промышлял тем, что шил одеяния монахам.

Был, говорят, в Джетаване один бхиккху, большой умелец по части монашеских одеяний: и разрезать, и скроить, и приметать, и сшить — на все мастер. Этим своим умением шить одежды для монахов он и был славен повсюду. Вот как он поступал: брал ношеную-переношеную одежду и, потрудившись над ней, превращал в отличную, приятную на ощупь, монашескую накидку, красил сшитое, вымачивая в растворенном в воде порошке, и скоблил раковинной, чтобы придать накидке красивый блеск, затем откладывал готовое одеяние в сторону. Монахи, само собой, ничего не смыслили в портняжном искусстве и обычно приходили к этому бхиккху с только что купленными отрезами материи. «Сшей нам, братец, накидки, - просили они его, — не знаем, как за это дело взяться». «На то, чтобы сшить накидку, — отвечал им обыкновенно портной, — нужно много времени, любезные. Тут у меня есть готовые накидки, оставьте-ка мне свои отрезы, а сами возьмите в обмен сшитое, да и ступайте». Он раскладывал перед посетителями готовые одежды. Прельщенные их видом и цветом, монахи, не зная, из чего эти одежды сшиты, думали: «Вроде прочные», с готовностью отдавали портному свои отрезы и, забрав перелицованное старье, уходили довольные. Когда же после недолгой носки накидки загрязнялись и монахи стирали их в горячей воде, истинная природа этих вещей делалась очевидной, повсюду замечались признаки ветхости, и обманутые владельцы накидок начинали сожалеть об обмене. Со временем все в Джетаване поняли, что бхиккху этот — мошенник, промышляющий старьем.

В соседней деревне жил другой портной, который тоже надувал людей — в точности так же, как и тот, в Джетаване. Знакомые монахи как-то сказали ему: «Говорят, любезный, в Джетаване есть один портной, шьющий накидки, — такой же обманщик, как и ты». Услышав это, плут решил про себя: «Ладно же. Я обведу этого горожанина вокруг пальца». Он сшил из ветоши красивую накидку, окрасил ее в приятный оранжевый цвет и, завернувшись в нее, отправился в Джетавану. Лишь только бхиккху-портной завидел накидку, он сразу загорелся желанием заполучить ее. «Любезный, ты сам сшил себе этот плащ?» — спросил он владельца. «Да, почтенный», — ответил хитрец. «Друг мой, — сказал тогда бхиккху, — отдай эту накидку мне, а себе ты добудешь другую». «Не могу, почтенный, — сказал тот, — у нас в деревне трудно с одеждой: если я отдам тебе свою накидку, чем же сам буду тогда покрываться?» «Любезный, — предложил бхиккху, — у меня есть нетронутый кусок материи, может, возьмешь его взамен и сошьешь себе новую накидку?» «Что же, почтенный, — ответил мошенник, - я только показал тебе свою ручную работу, но, если ты так просишь, нечего делать: возьми накидку себе». И, обменяв свою сшитую из старья накидку на новый кусок материи, мошенник поспешил восвояси.

По прошествии некоторого времени джетаванский бхиккху-портной выстирал свою загрязнившуюся накидку в горячей воде и, обнаружив, что накидка перешита из старья, раскаялся в том, что обманывал других. Вскоре весь монастырь узнал, как одурачили бхиккху, и все только и судачили о том, как деревенский мошенник обвел вокруг пальца городского. Как-то раз, когда монахи сидели в зале собраний, обсуждая эту новость, вошел Учитель. «О чем это вы, братия, тут беседуете?» — спросил он. Бхиккху рассказали ему обо всем. «Братия, не только ведь ныне портной из Джетаваны обманывает других, — сказал тогда Учитель, — он и прежде обманывал народ, и не только теперь деревенский портной одурачил его — так было уже и прежде». И он поведал монахам о том, что случилось в прошлой жизни.

«Во времена стародавние Бодхисатта воплотился на земле в облике божества, обитавшего в дереве, что росло на опушке рядом с заросшим лотосами прудом. В соседнем пруду, поменьше первого, в ту засушливую пору осталось совсем немного воды, а рыбы в нем водилось великое множество. Некая цапля, видя обилие рыбы, задумалась: «Найти бы способ одурачить этих рыб и съесть их одну за другой». Наконец, измыслив средство, цапля отправилась на берег пруда и, усевшись, сделала вид, будто погружена в глубокую задумчивость. Рыбы, видя ее в таком

состоянии, спросили: «О чем размышляешь, госпожа?» «О вас, о вас моя забота», — ответила цапля. «Какая же это забота, госпожа?» - полюбопытствовали рыбы.»А вот, думаю, — отвечала цапля, — что в пруду вашем воды осталось совсем мало, и корма здесь никудашные, а засуха жестокая. Вот я и печалюсь: «Как же теперь быть рыбам, что им делать?» «А и впрямь: что нам делать, госпожа?» — встревожились рыбы. «Если только вы захотите довериться мне, — сказала цапля, — я смогу вам помочь: буду брать вас по одной в клюв и переносить в большой пруд, поросший лотосами пяти видов, и там выпускать». «Госпожа, — усомнились рыбы, — но ведь с тех пор, как стоит мир, не было такого, чтобы цапля заботилась о судьбе рыб. Ты, видно, просто хочешь съесть нас всех поодиночке». «Да что вы, — возмутилась цапля, — разве я могу есть тех, кто мне доверился? Впрочем, если не верите моим рассказам о пруде, пусть какая-нибудь из вас слетает со мной туда и убедится собственными глазами». Говоря: «Она сильна и в воде и на суше», — рыбы решились довериться цапле. Они поручили ее заботам большую одноглазую рыбку. Цапля схватила одноглазую клювом, перенесла ее на другой пруд, выпустила в воду и позволила осмотреть ей весь пруд. Затем она перенесла эту рыбу в старое обиталище и выпустила в воду. Одноглазая принялась расхваливать перед товарками достоинства нового пруда, тем, внимая ей, загорелись желанием переселиться и стали упрашивать цаплю: «Прекрасно, госпожа. Перенеси нас туда».

Первой цапля пожелала переселить ту самую одноглазую рыбу. Зажав ее в клюве, цапля полетела к новому пруду и, держа свою жертву так, чтобы та могла любоваться водной гладью, опустилась на вершину дерева варана на берегу, потом она распластала одноглазую рыбку на ветке, ударом клюва лишила ее жизни и съела со всеми внутренностями, позволив только косточкам упасть к подножию дерева. Покончив с едой, цапля вернулась к ожидавшим ее рыбам и сказала:

«Я выпустила первую, давайте понесу следующую». Действуя таким способом, цапля перетаскала и съела по очереди всех рыб. Когда она в последний раз явилась за добычей, в маленьком пруду уже не осталось ни одной рыбы, но там жил еще и рак. Стремясь съесть и его, цапля сказала: «Дружище, я перенесла всех рыб в большой пруд, поросший лотосами; хочешь, перенесу и тебя?» «Как же ты меня перенесешь?» — спросил рак. «Зажму в клюве и понесу», - ответила цапля. «Нет, — отказался рак, — так я не полечу с тобой: если ты понесешь меня в клюве, то выронишь на лету». «Не бойся, - уговаривала рака цапля, — в полете я буду крепко держать тебя». Слушая ее, рак думал: «Унести-то рыб она унесла, но уж отпустить их не отпустила. Что ж, пусть она перенесет меня на другой пруд. Если же она не выпустит меня — сдавлю ей горло клешней и так лишу жизни». И рак предложил цапле: «Дорогая! Боюсь, что ты все-таки не сможешь крепко держать меня. Вот уж у нас, раков, хватка так хватка, поэтому давай лучше я уцеплюсь клешней за твою шею: если только мне удастся обхватить ее, я готов лететь с тобой». Не подозревая подвоха, цапля охотно согласилась.

Прочно, будто в кузнечные клещи, зажав шею цапли, рак сказал: «Ну, а теперь полетели». Взмыв в воздух, цапля позволила раку полюбоваться прудом, а затем направилась к дереву варана. «Погоди-ка, тетушка, — воскликнул рак, — вот он, пруд, под нами, ты же уносишь меня куда-то в сторону». «Возлюбленный мой племянничек, - насмешливо ответила цапля, — уж конечно, ты для меня дороже кровного родственника. Ты, поди, вообразил меня своей рабыней: куда, дескать, захочу, туда она меня и понесет. Взгляни-ка на грудку костей у подножия дерева варана: как съела я всех рыб, так съем и тебя, безмозглого». Рак возразил цапле: «Этих рыб погубила их собственная глупость. Что до меня, то я себя съесть не позволю, скорее уж сам прикончу тебя. Ты по дурости своей не поняла еще, что я перехитрил тебя: если уж нам суждено умереть, мы умрем с тобой вместе. Оторву-ка я тебе клешнями голову и швырну ее на землю». И с этими словами рак с силой сдавил шею цапле. Задышавшись, цапля стала хватать ртом воздух, из глаз ее ручьями полились слезы. В страхе за свою жизнь она стала молить рака: «Господин, я пощажу тебя, только сохрани мне жизнь». «Хорошо, только сейчас же сядь и выпусти меня в воду!» — потребовал рак. Цапля повернула обратно, опустилась на самый берег и, подойдя к воде, положила рака на выступавший над поверхностью ком грязи. Рак перекусил клешнями шею цапли — точь-в-точь так, как перерезают ножом лотосовый стебель, — и нырнул в воду. При виде этого небывалого чуда

божество, обитавшее в дереве варана, наполнило весь лес криками одобрения, а затем громко пропело ласкающим слух голосом такой стих:

Хоть плут и искушен в искусстве плутовства,
Навряд ли полного добьется торжества.
Как цапля ни была коварна и хитра,
Рак победил ее — таков закон добра!»

И Учитель повторил: «Не только ведь ныне, братия, этот деревенский плут-портной обманул городского мошенника, он и прежде его обманывал». Закончив свое наставление в дхамме. Учитель разъяснил суть джатаки, так связав перерождения: «В ту пору цаплей был бхиккху-портной из Джетаваны, раком — деревенский портной, божеством же дерева — я сам».

перевод с пали Б. Захарьина